

Вехи моей жизни

Семья

Появился я на свет 20 ноября 1935 года в селе Петропавловка, Майорского сельсовета Сакмарского района Оренбургской области. Мама моя - Бисагина Анна Дмитриевна умерла совсем молодой в 1939 году. Запомнились только: больница, люди в белых халатах. Отец - Хилько Ефим Егорович работал счетоводом в колхозе и с начала войны был призван на фронт. Вернувшись с войны в 1945 году инвалидом, он работал на мирном фронте в основном сторожем.

Жили мы в небольшой саманной хате, крытой соломой. Старше меня были три сестры - Мария (1924 г.р.), Зоя (1929 г.р.), Рая (1931 г.р.) и брат Василий (1927 г.р.). После меня была младшая сестренка Люба (1938 г.р.) Все они работали в колхозе. Жили мы очень бедно. Зимой хата, отапливаемая киззяками, промерзала настолько, что вода в ведре замерзала, а стены, покрывшись тонким слоем льда, блестели. Единственным теплым местом была русская печь, которая занимала почти четверть хаты. Там же ютились каждую раннюю весну теленок и ягнята.

Кормились со своего подворья. Из живности были: корова, свинья, шесть овец, с десяток курей и гусей. Имелся приусадебный участок, на котором высаживали много картофеля, капусты, и прочих овощей. Каждую весну готовили суп из свежей крапивы и лебеды.

Подспорьем были и суслики. Дело в том, что их в то время было множество. И, по мнению специалистов, они приносили вред сельскому хозяйству, поедая зерно. Поэтому школьникам ежегодно давалось задание уничтожить по сто штук. У меня были капканы и силки для их ловли. А также, используя весенние ручьи, я выливал сусликов из нор.

Затем обдирал с них шкурки, обрабатывал и сдавал старьевщику, который ездил по деревне, собирая всякую макулатуру, в том числе и шкурки.

Каждая выделанная шкурка стоила пятьдесят копеек. Я добывал их до

трехсот штук. И на вырученные деньги покупал себе обувь фабрики "Скороход". А из тушек сестра готовила прекрасное жаркое.

Недалеко от нашей хаты был колхозный свинарник, в котором кормились воробьи. Мы с сестрой Зоей ночью брали фонарь "Летучая мышь" и мешок, шли в свинарник, выгоняли воробьев из-под крыши. Они летели на свет фонаря. Мы их ловили, отрывали головы и складывали в мешок. Из них сестра готовила блюдо. Это был деликатес.

Поскольку отец был ярый курильщик, высаживалась целая плантация табака, обработка которого лежала на моих плечах (поливал, срывал цветки, чтобы табак был крепче, затем рубил, сушил, отсеивал мелочь как понюшку). Местные ребята все курили мой табак. И однажды я решил, проверить какое удовольствие получают от этого. Будучи дома один, как смог сделал самокрутку и закурил. Я слышал, что надо вдыхать в себя и глубоко затянулся. Тут же закружилась голова, и меня вырвало с кровью. Никогда в жизни я больше

серьезно не курил.

Забота о подсобном хозяйстве в основном лежала тоже на мне. Приходилось поливать огород из речки Янгиз, преодолевая крутой подъем берега, что для моего возраста было не просто. Отдыхать было некогда. Поэтому детства как такового у меня не было.

После войны развелось очень много волков, которые уничтожили всех деревенских собак, а затем, разгребая крыши сараев, залезали в них и резали овец.

Однажды со мной произошел такой случай: я пас овец недалеко от деревни. Вдруг из оврага выскакивает волк (я почему-то думал, что это собака). Волк захватил ягненка за зад, а я за голову. Так мы ташили ягненка каждый в свою сторону, но волк оказался сильнее меня. Он выхватил ягненка, бросил себе на спину и убежал. За утащенного волком ягненка я был жестоко избит старшей сестрой, убежал из дома и три дня жил в соломе на крыше сарая. Доставалось мне и за каждого цыпленка, унесенного коршуном.

Школа

В первый класс я вынужден был пойти только с девяти лет, так как не в чем было ходить, умея уже читать и писать (кстати, первые трусы я выпросил у старшего брата, когда он вернулся из Армии). Школа у нас была семилетняя. Учился я только на отлично, заканчивая каждый класс с Почетной грамотой.

Отец мой, имея за плечами церковно-приходскую школу, очень здорово разбирался в математике. И когда мне не удавалось решить сложные задачи, я обращался к нему за помощью. И он, лежа на кровати, не выпуская из рук сигарку, в уме находил правильное решение. Хотя он требовал, чтобы я решал их самостоятельно. Были случаи, что в классе никто не мог решить контрольные за четверть. И когда я приносил решенные задачи, учитель хвалил меня. Я честно признавался, что это заслуга отца.

В школе был учитель физкультуры, который как не странно, обучил нас танцевать вальс, говоря при этом, что это сложный танец и вам негде будет его изучать, а в жизни вам это пригодится, за что я ему благодарен. Каждое лето я работал в колхозе. Сначала приходилось пасти скот: свиней, коров, лошадей, быков. А затем, с возрастом, работая наравне с взрослыми от зари до зари, стали доверять серьезную работу: на конных граблях, сенокосилке, запряженной тройкой лошадей, на жатке-лобогрейке. А когда наступала пора уборки урожая, переходил на комбайн "Сталинец-6", на котором работал сначала на самодельном соломокопнителе, а затем и штурвальном.

Окончив семилетнюю школу с отличием, я поступил в районную

Сакмарскую среднюю школу, расположенную от нашей деревни в 25 километрах. Проживал на частной квартире, которую оплачивала школа. На учебный год мне для пропитания отец привозил мешок муки и мешок картошки. В школе, как к новичку, ко мне относились доброжелательно. Может потому, что я был неплохим спортсменом-лыжником. Сразу же стал чемпионом школы.

В девятом классе даже принимал участие в областных соревнованиях по лыжным гонкам общества "Колхозник" по справке бухгалтера колхоза имени Ворошилова, где неожиданно для себя занял первое место на тридцатикилометровой дистанции, за что был премирован отрезком на костюм.

В первый же день учительница русского языка и литературы провела диктант. И среди тридцати учащихся класса только двое получили удовлетворительные оценки, все остальные, и в том числе я, получили двойки. Я был в шоке от этого, понял, что моих прежних знаний семилетней школы недостаточно и пришлось подналечь на русский язык.

Директором школы был своеобразный человек, у которого были разного цвета глаза - зеленый и коричневый, ходил он в полувоенной форме и белых бурках, которые при ходьбе скрипели со страшной силой. У него, на занятии по химии, которую он преподавал как в институте (читал лекцию, расхаживая по кабинету), я, будучи уже секретарем комсомольской организации девятого класса, занимался другим делом. Директор заметил это. Немедленно вызвал меня к доске и попросил повторить то, о чем он только что говорил. Естественно я ничего не мог рассказать, и он

поставил мне двойку. Это было в начале первой четверти. И после этого случая до окончания школы он ни разу меня не спрашивал в классе, а в конце каждой четверти вызывал к себе в кабинет, где я, стоя у порога, отвечал на его вопросы и даже "писал реакции". Когда он ставил мне отлично, то говорил: "На уроке надо заниматься химией". Я тщательно готовился к этому экзамену каждую четверть, а он давал материал больше программы школы. Поэтому когда я поступил в институт и стал изучать общую химию Глинки, я все это уже знал, и мне было очень легко.

Еще учась в начальной школе, я как-то прочитал книгу о летчике Валерии Чкалове, в которой меня поразил его подвиг и слова: "Если быть, то быть первым". Это стало моим девизом на всю жизнь и помогло окончить школу с золотой медалью.

Институт

Окончив школу в 1954 году, я мог продолжить дальнейшее обучение только там, где была высокая стипендия. Поэтому я выбрал Уральский политехнический институт имени С.М. Кирова (УПИ) в городе Свердловске. Пройдя собеседование, поступил на кафедру "Тяжелых цветных металлов".

Поскольку отец был еще в то время жив, а места в общежитии предоставлялись только тем, у кого не было своих родителей, мне пришлось первые полтора года жить в частном секторе, который снимал институт. В Пионерском поселке, недалеко от института.

Хотя стипендия у меня была самая высокая в институте (первый курс - 395 рублей, второй - 425, третий - 450, четвертый - 485 и пятый - 495), этих денег хватало только на пропитание. Поэтому первые полтора-два года я проходил в институте в обыкновенной телогрейке и солдатской шапке со следом от звезды. А когда перебрался в общежитие, вынужден был рабо-

тать на разгрузке вагонов Шарташских овощных баз и на железнодорожном вокзале. У нас была сплоченная команда нуждающихся крепких парней под руководством бывшего старшины Выприцких. Он уже отслужил Армию и был старше нас (с 1927 года рождения). В бригаде была железная дисциплина. В любое время года, суток, отменяя все дела и пропуская все занятия, кроме специальных дисциплин, мы шли разгружать вагоны. Работа была сдельная и сразу оплачиваемая, праздничные дни - в двойном размере. Разгружали: цемент, уголь, арбузы, сахар, вино, овощи, рыб в ящиках. Выматывались до последних сил, работали без перерыва. Мы даже установили рекорд баз, выгружая пульман с сахаром из Кубы - 60 тонн. Пять человек носили из вагона на склад, расположенный в метрах пятидесяти от вагона, и один подтащивал мешки к двери. Мы затратили всего 45 минут. Каждый мешок весил 100 кг. Но таких "чистых" грузов было очень мало.

Заработав необходимые деньги, я смог скромно себя одеть.

Кроме того, я занимался спортом - лыжами, входил во вторую сборную института. Греблей на морских шлюпках (ялах). По гребле мы занимали три года первое место по городу Свердловску. Занятия и соревнования проводились на пруду - ВИЗА (Верхнее-Исетского завода).

И все годы учебы пел в академическом хоре института - а капелла, который состоял из 100 человек. Коллектив под руководством Рождественского пользовался большой популярностью, как в институте, так и в городе. Мы постоянно занимали первые места в проводимых смотрах-конкурсах. И как заслуженная награда за победы, мы дважды выезжали на зимние каникулы (это 10-15 дней) один раз в Ленинград, второй раз - в Москву, где нас здорово встречали. Были организованы экскурсии на все достопримечательные места (музеи, парки, Царское село).

В 1956 году, когда по призыву Н.С. Хрущева, все студенты были направлены на освоение целинных и залежных земель, мы тоже отправились. Нам достался район в пятидесяти километрах от города Бийска Алтайского края. Ехали мы туда долго, в вагонах "телятниках".

Через неделю добрались. Встречали нас на железнодорожном вокзале с почетом. Играл духовой оркестр. После торжественной части нам разрешили провести некоторое время на речке Бия. Исккупаться, помыться с дороги. Бия - это мощная, судоходная, холодная горная река, единственная вытекающая из Телецкого озера.

Дело было под вечер. Запомнился поход на Бию мне на всю жизнь. Я был горячим парнем, хорошо плавал. На

Целина. Алтай

спор с ребятами, я решил переплыть реку туда и обратно. Только потом я понял насколько погорячился. Этот заплыв едва не кончился для меня трагически. Бия подхватила меня как щепку и унесла за поворот с глаз ребят. Я остался один на один с рекой. Где-то на середине реки мне судорогой свело обе ноги. Я стал тонуть. Перепугавшись, я вспомнил, что с судорогой можно бороться, массируя ноги. Я, перестав плыть, бороться с течением, стал усиленно растирать икры ног. И практически на одних руках, едва помогая ногами, больше полагаясь на течение, добрался до противоположного берега. Выполз из воды, я от страха и холода весь дрожал. Меня отнесло течением от ребят километра на три вниз. Я лежал и думал, как же мне плыть назад. Но надо было торопиться, солнце садилось. Тогда я встал и побрел вверх по песку, туда, где находились ребята. Дойдя до места, где они сидели на берегу и махали мне руками, я посидел немного, набрался сил и пошел дальше вверх еще километра на два. А потом по течению, приплыл назад.

Работал я и на сенокосе (благо был опыт работы с детства), рытье силосных траншей, зернотоку, и даже молотобойцем в кузнице, пока основным был в отпуске. А когда началась уборка, меня поставили работать штурвальным на комбайне, где я проработал до конца нашего пребывания там. В тот год был невиданный урожай пшеницы на Алтае (до 70 центнеров с гектара). Для окончания сельскохозяйственных работ занятия в институте были перенесены на месяц позже. Техники не хватало. Приходилось работать весь световой день и даже со светом. Работа была очень тяжелая, практически без выходных. И

когда в свободное время ребята купались и загорали у речки, мне приходилось "пахать". Но это дало возможность мне заработать очень приличные деньги.

Вернувшись в Свердловск, я первым делом пошел в центральный магазин "Пассаж" и одел себя полностью с ног до головы. Начиная с трусов и кончая шляпой. Переодевшись, я стал очень похож на поэта Есенина. В черном пальто, с белым кашне, не хватало только тросточки. А все, что было на мне, выбросил в урну. А когда появился в Пугачах Оренбургской области, где жили две сестры, то они были поражены моему виду.

Был еще один очень неприятный случай. В один из выходных дней нам разрешили съездить в Бийск и посмотреть кино. Шел фильм "Кружка пива". Пешком до Бийска, как я уже говорил, добираться было далеко, поэтому, выйдя на Чуйский тракт, мы стали голосовать. Моряки Тихоокеанского флота, привлеченные для уборки, по этому тракту возили зерно в Бийск на элеватор. Одна машина остановилась. Она была полностью загружена зерном. И хотя шоферам категорически запрещалось провозить кого-либо в кузове, он великодушно разрешил нам сесть. И мы поехали. Хлеб везла целая колонна. Дорога шла на подъем. Неизвестно по какой причине, но морячок решил обогнать впереди идущую груженую машину. Но случилось непредвиденное. Поравнявшись с машиной, передняя прижала нашу машину к кювету тракта. И она начала переворачиваться. Мы все оказались в кювете, сверху засыпанные зерном. Машина заглохла и зависла над кюветом под углом примерно 60 градусов, раскачиваясь, как бы думая упасть ей полностью

или нет. Кювет был очень глубокий. И если бы машина перевернулась полностью вверх колесами, то она бы всех нас придавила. Это был бы конец. Но она осталась висеть в таком неустойчивом равновесии. Это нас спасло. Только одному товарищу переломило руку. Прибывшей на место происшествия Госавтоинспекции мы сказали, что сами запрыгнули в машину и не выдали морячка, за что все моряки колонны были нам очень благодарны и навещали в больнице Бийска нашего товарища.

В институте я еще увлекался туризмом. Ходили в весенне-зимние походы. В январе 1959 года я в составе из 10 человек бывалых туристов должен был идти в 10-дневный поход в горы Ханты-Мансийского национального округа. Однако я в последний момент отказался, так как это были последние каникулы моей учебы в институте. Я не знал, куда меня распределят. И решил съездить на родину. Из дома я сразу уехал в Мончегорск - место моей преддипломной практики. Пробыл там до марта. Вернувшись в институт, я узнал, что ребята-туристы не вернулись из похода. Их продолжали искать, в том числе и комиссия из Москвы с участием вертолетов. В поход ушли девять человек. Один вернулся, так как натер ногу. Итак, в группе оставалось 8 человек, в том числе и муж с женой. Все бывалые туристы, парни не роб-

кого десятка.

Тела туристов обнаружили только в середине марта, когда растаял снег на склонах гор. Как рассказывают очевидцы из поисковых групп, ребята, прорезав дыры в палатках, в панике бежали вниз по склону горы, кто сколько мог (150-300 метров). Были они только в спортивных костюмах, остальные вещи - ружья, топоры, документы, деньги находились в палатках нетронутыми. На все наши вопросы, что произошло с ними, никто не давал вразумительного ответа. И только много лет спустя, я узнал, что в этом месте проводилось испытание какого-то секретного оружия.

Окончив институт с хорошими оценками (несмотря на разгрузку вагонов), я мог остаться на кафедре, получить направление на Челябинский электролитный завод или на другое родственное предприятие союза. Но я выбрал медно-серный комбинат в городе Медногорске. Здесь была моя малая Родина и рядом жили все мои родственники.

Медногорск, медно-серый комбинат

4 сентября 1959 года я с однокурсником Резницким Б.М. рано утром около 6 часов прибыл на поезде из Оренбурга в Медногорск. До начала рабочего дня решили осмотреть город. Вышли на площадь по Бульварной улице и увидели: направо котлован, заросший бурьяном, как оказалось под основание Дома культуры, а налево вырисовывалось красивое здание, похожее на театр. Подойдя к нему поближе, мы прочитали название "Баня".

Директором комбината был Александр Адольфович Бурба. К нему мы подошли в 9 часов. Он очень любил исследовательский отдел и предложил работать там. Я же сказал, что я производственник, при распределении не согласился остаться на кафедре, поэтому попросил направить в металлургический цех. Начальником металлургического цеха был Садыков Василий Иванович. Посмотрев на нас, он спросил: "Каким видом спорта занимаетесь?". И когда мы ответили, он сказал, что меня берет, а Резницкого нет. Тот убедительно просил и его взять. Тогда, рассердившись, Садыков сказал: "Не беру никого". Надо сказать, что в то время комбинат был очень хорошо укомплектован молодыми специалистами из институтов. Походив по всем другим цехам, где в нас не нуждались, мы вынуждены были остановиться на брикетной фабрике. Так я стал мастером брикетной фабрики № 1. Резницкий же, отработав несколько месяцев, уволился и уехал в Оренбург, откуда он был родом.

До недавнего времени у нас в стране не было вузов, выпускающих директоров. Да и можно ли научиться искусству управления на студенческой скамье? Поэтому хорошую жизненную школу я прошел, работая

на брикетной фабрике. Начальником фабрики тогда был Василий Васильевич Кугучев. Он и научил меня работе с людьми.

В 1961 году я женился на Тимченко Зинаиде Александровне, зубном враче. В 1962 году родилась дочь Марина, а в 1968 году - сын Валерий. Однако семейная жизнь не сложилась и, к сожалению, пришлось расстаться. Второй раз женился на Носковой Людмиле Григорьевне, бывшем секретаре, начальнике общего отдела комбината, с которой проживаю и сейчас.

В 1962 году меня назначили начальником участка брикетирования. Трудился на участке около 450 женщин. Работа у них была тяжелая. Каждая за смену укладывала до 25 тонн брикета. На участок шли либо бывшие заключенные, либо матери одиночки. Сами понимаете, личности отчаянные. Их стычки мне регулярно приходилось разбирать и наказывать виновных. Часто приходилось исполнять обязанности заместителя начальника и начальника фабрики. Всего я проработал на фабрике первые семь с половиной лет после студенческой скамьи. Труд мой был высоко оценен руководством комбината и правительством, я был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Затем я работал заместителем начальника металлургического цеха, начальником этого цеха. Исполнял обязанности начальника производственно-технического отдела.

Александр Адольфович был мудрым человеком, исподволь готовил меня на свое место. Он направлял меня в командировки на родственные предприятия цветной металлургии. В Красноуральск (горно-металлургический комбинат), Кировград (меде-

плавильный завод), Ревду (Средне-Уральский металлургический завод), Пышму (медьэлектролитный завод), требую, после возвращения из них, письменного отчета о каждом предприятии, начиная с технологии и заканчивая финансово-экономической деятельностью. При этом он говорил: "Тебе это пригодится в будущем". И он оказался прав.

В 1968 году директор направил меня вместо себя в Свердловск, в "Институт повышения квалификации", хотя я был всего начальником цеха. Я только потом, став директором, понял для чего он это делал.

В январе 1971 года Бурба А.А. вызвал меня к себе и сказал: "Езжай в Москву, будут проверять твою готовность работать директором. Времени займет это с неделю. Никому ничего пока не говори". Я был крайне удивлен. В Москве во всех отделах и управлениях Министерства цветной металлургии тщательно проверяли мои знания и способности. В Центральном Комитете КПСС, в отделе тяжелой промышленности, мне пришлось даже рисовать ваттержетные печи и писать химические реакции, которые проходят в них. Много времени мне уделил лично Петр Фаддеевич Ломако, министр цветной металлургии СССР. А на следующий день, после беседы с министром, меня утвердила Коллегия Министерства. Когда я поднялся на трибуну, Ломако П.Ф., читая по микрофону мои анкетные данные, говорил: "Хилько, Хилько, украинец, родился в Оренбургской области, какой ты украинец?". На что я ответил ему: "Я пишушь украинец принципиально, потому что моя фамилия оканчивается на о". Ответ ему понравился, он засмеялся и сказал: "Есть предложение - утвердить".

5 марта 1971 года приказом по Министерству я был назначен директором комбината. В то время я был самым молодым директором Министерства цветной металлургии СССР.

Годом раньше, в 1970 году, была прекращена добыча руды на Блявинском месторождении. Перед руководством предприятия встала проблема поиска сырья. Руду и концентрат приходилось завозить из городов: Гая, Сибая, Учалов. Не смотря на отсутствие сырьевой базы, коллектив неоднократно побеждал во всесоюзных социалистических соревнованиях, получая знамена. Комбинат ежегодно выпускал много серы (до 280 тысяч тонн), в основном вся сера направлялась на Украину в город Сумы, где из нее получали удобрения для сельского хозяйства. Но в сере присутствовало до 0,5 процента мышьяка, который с отходами производства попадал в р. Сумы, отравляя рыбу. Щербицкий, секретарь ЦК КПСС Украины, узнав об этом, доложил Косыгину. Косыгин же подключил Ломачко и наш Главк. Перед комбинатом встала проблема очистки серы от мышьяка, требовалось в кратчайший срок решить ее. Бурба, еще в конце шестидесятых годов пытался справиться с этой задачей, проводя многочисленные опыты, по отделению серы от мышьяка. Но положительных результатов не добился. И поэтому с первых дней работы мне пришлось это решать, может быть в ущерб другим вопросам производства. С ноября в 1974 году, совместно с коллегами института "Гинцветмет" (Государственный институт цветных металлов), руководителем которого был, кстати, тоже бывший директор медно-серного комбината (до Бурбы) Константин Иванович Ушаков, был найден эффективный способ очистки серы от мышьяка, получивший название

"известково-фазового".

В последствии метод был признан уникальным. И за внедрение удостоен золотой медали ВДНХ. Каждый, принимавший участие в разработке и внедрении способа также был удостоен золотой медали, в том числе и я. А еще позже эту технологию закупила Италия.

Начальник Союзмеди в то время Матюшин П.П., Герой Соцтруда, будучи на комбинате, сказал мне: "Постройшь промышленный цех за год, будешь очищать всю выпускаемую серу, получишь орден Трудового Красного Знамени". Я дневал и ночевал на стройке (не ради ордена). И вместе с начальником СУ-4 Мосяковым В.Н. мы сумели уложиться в срок.

Орден же я не получил. Документы где-то затерялись в партийных органах, видимо там посчитали, что полученного ордена за работу на брикетной фабрике достаточно. Хотя партийные советские руководители города получали ордена каждую пятилетку. В марте 1974 года я в составе группы комбинатских специалистов побывал на металлургическом предприятии в Польше. Опыт, полученный там, позволил некоторое время спустя, внедрить валковые прессы. Нововведение делало возможным брикетирование клинкера. Сырье, являющееся отходами цинкового производства, было сравнительно дешевым, а содержало значительное количество драгоценных металлов. Это делало переработку клинкера рентабельным и экономически выгодным. Это тоже стало возможным благодаря действенной помощи института "Гинцветмет".

Не менее важным этапом в развитии металлургического производства комбината стало строительство и пуск в 1986 году (опять же с

помощью "Гинцветмета") цеха получения технического кислорода. Без него освоение автогенной плавки на шахтных печах было бы невозможно и сегодня.

В то время весь город (кроме поселка Никитино) был на балансе комбината. Поэтому все вопросы, касающиеся жизни города, приходилось решать директору. Власть же партийная и советская была чисто номинальной.

Комбинат ежегодно вводил в эксплуатацию один 70-квартирный дом, а иногда (через два-три года) и два дома. Это позволяло довольно успешно решать жилищную проблему. Городи комбинат обеспечивался водой из открытого водоема реки Сакмара, расположенного в поселке Рамазан, в 18 километрах. Весной и во время ливней вода поступала грязной, не соответствовала никаким санитарным нормам. Было принято решение построить подрусловый водозабор. Это было сделано в пойме Сакмары. Забор включал в себя 14 скважин, глубиной 25 метров каждая, подводный водовод (дюкер) и два резервуара, емкостью по 1000 кубов. С тех пор вода поступает в город подрусловая, артезианская. Мне по долгу службы приходилось бывать во многих городах, имеющих родственные предприятия, вкуснее нашей воды, я не встречал. Верно, я не был на Байкале.

Отсутствовали очистные сооружения, что было не допустимо с точки зрения экологии и санитарии. И они были построены в кратчайший срок и до сих пор успешно работают.

В 1972 году по просьбе членов общества рыбаков и охотников, я (по незнанию) без согласования с соответствующими органами построил на реке Урал "Дом рыбака и охотника". За это неоднократно

объяснялся в прокуратуре города Кувандыка, так как земля принадлежала Кувандыкскому мехлесхозу.

Жалобы шли во все инстанции (Министерство цветной металлургии СССР, газету "Труд", горком и обком партии, со стороны отдельных работников и жителей города) о том, что Хилько построил себе "Заимку". Жалобы, как потом выяснилось, были организованы бывшим главным инженером, не довольным, что не его назначили директором комбината. В последствии пришлось с ним расстаться. А всем комиссиям, приезжающим проверять жалобы, я отвечал, что условия работы на комбинате тяжелые, поэтому я решил построить летнюю зону отдыха на 100 человек. С пищеблоком, лодочной станцией и сауной. Просил для этого пару лет.

За это время я оформил по всем требованиям землеотвод для зоны. Для этого потребовалось даже специальное Постановление Правительства Российской Федерации об отводе земли в полтора гектара комбинату на вечное пользование. Зона была построена и пользовалась спросом у трудящихся не только комбината, но и города. К сожалению, сейчас она перешла в частные руки и трудящиеся там не отдыхают.

Как-то на комбинат решила нагрянуть неожиданно министерская комиссия. Прилетели поздним вечером в Орск. В аэропорту взяли такси и - в Медногорск. По причине отсутствия указателя никто из столичных гостей, да и сам водитель, не заметили города "в яме" и остановились только под указателем "Кувандык". Позже мне пришлось выслушать немало упреков по этому поводу. Поняв справедливость их высказываний, счел за необходимость собственноручно заняться созданием символа у дороги на повороте к горо-

ду.

Первый эскиз ключа сделал сам, а уж потом мою идею воплотил на листе ватмана художник Кролевец. Первый секретарь горкома КПСС Панасенко С.В. и председатель горисполкома Рева И.Ф., познакомившись с чертежом и проектом городского указателя, решили объявить конкурс. В нем принял участие завод "Уралэлектромотор" и многие художники. Но победил наш проект. Ключ был изготовлен на комбинате из титана квалифицированными специалистами. И стоял он, став визитной карточкой города Медногорска, много лет. Пока уже в новом веке не стал жертвой охотников за металлом. Сегодня ключ снова восстановлен. И символ нашего города вновь утвердился на прежнем своем месте. Он является главной достопримечательностью. В свой самый торжественный день молодожены приезжают к нему сфотографироваться на

память.

В конце восьмидесятых годов прошлого столетия в СМИ стало часто появляться слово экология. Всем органам вдруг сразу захотелось, чтобы предприятия, построенные в тридцатых годах, стали чистыми и безопасными для здоровья работающих. В Оренбуржье, почему-то, выбрали медно-серный комбинат, требуя, чтобы эта работа была проведена немедленно.

Хотя комбинат выбрасывал вредных веществ в атмосферу не больше "Никелькомбината", город Орск и ОХМК, город Новотроицк. Может потому, что по объему выпускаемой продукции комбинат значительно уступал им. Дело дошло до требования закрыть комбинат. Против комбината был настроен и коллектив завода "Уралэлектромотор", который переехал в наш город из города Тула в сентябре 1941 года и расположился на бывшей площадке комбината (ра-

нее там была опытная брикетная фабрика), имеющей подъездные пути и коммуникации.

Эта площадка находилась в санитарно-защитной зоне комбината, но трудящиеся завода не имели тех льгот, которые получал комбинат, имея эту зону (дополнительные отпуска, льготные пенсии, специальное питание).

Трудящиеся завода начали писать жалобы в Центральный комитет профсоюза, газету "Труд", Министерство, горком, обком. Эти жалобы подписывали до трех тысяч человек. Мне неоднократно приходилось встречаться с коллективом завода, объяснять положение дел и что делается для улучшения условий труда. А на проверку жалоб приезжали многочисленные комиссии из Москвы. Приходилось часто выезжать в Москву с разработанными мероприятиями. Среди многочисленных мероприятий было строительство нового сернокислотного цеха в 1995 году. Кстати сказать, новый сернокислотный цех был построен директором Кривоносным Ю.С. только в 2004 году. Но жалобы продолжали поступать.

Видимо тогда руководству Министерства и особенно новому начальнику "Главнискельмедькобальт" Мурашову В.Д. пришла идея сменить директора, то есть меня. Мурашов В.Д., пользуясь тем, что место главного инженера комбината было вакантным - бывший главный инженер Валерий Иванович Иванов ушел на заслуженный отдых. В мае 1989 года на эту должность привез на комбинат молодого инженера, 1961 года рождения, Короля Ю.А. В октябре этого же года тот же Мурашов В.Д. привез на комбинат комиссию, состоящую из 20 человек, для снятия меня с работы.

Трое суток комиссия работала на комбинате с коллективом, с горкомом, обкомом партии и пришла к выводу, что меня им не снять, так как я пользовался большим уважением у трудящихся. Через трое суток, вечером, Мурашов пришел ко мне в кабинет и сказал: "Я не думал, что ты пользуешься таким авторитетом у коллектива и что коллектив против твоего освобождения, поэтому пиши добровольно заявление об уходе. Иначе я тебя при первом несчастном случае, произошедшем на комбинате, посажу в тюрьму".

Комбинат был построен в 1939 году. Здания и сооружения, имевшие износ более 80 процентов, капитально не ремонтировались. Для этого не было ни физических сил, ни финансовых средств. Часто падали плиты перекрытия и даже отдельные участки крыши. И только по счастливой случайности никто не пострадал. У меня не было уверенности, что падения не повторятся. После суточного раздумья, согласился. Написал заявление и к моему удивлению, старинные часы, изготовленные в 1860 году тульским мастером Василием Бажатовым, остановились. На собрании коллектива Мурашов зачитал мое заявление, где я, ссылаясь на состояние здоровья, просил отставки (в то время давление у меня зашкаливало). Выступил перед коллективом, с которым я проработал около 19 лет, напомнил ему, что мы сообща сделали на комбинате, и поблагодарил за отличную работу. Все случившееся для коллектива было неожиданностью. На этом собрание закончилось. 20 ноября 1989 года вышел приказ о моем освобождении.

Жизнь после...

До льготной пенсии по списку № 2 мне не хватало год и девять месяцев. Мурашов мне места на комбинате не давал. Я вынужден был поехать в Мончегорск, где был знаком с директором, чтобы отработать это время, а может и более. Мне была предоставлена хорошая работа, был решен и квартирный вопрос. Но из-за высокого давления, врачи не разрешили работать. Я вернулся назад. На сократительном участке металлургического цеха, откуда меня перевели директором, была вакантная должность старшего мастера. Я попросился на эту должность.

Работая на этом месте, я испытывал порой унижение со стороны своих бывших подчиненных - начальника участка и начальника металлургического цеха, а главное Короля, что привело к двум инфарктам. В 1991 году, выработав льготный стаж, я был немедленно уволен с комбината. Мне не было еще и 56 лет, а я оказался без работы. Позже мне приходилось работать инженером по технике безопасности в Медьпродснабе. А когда там сократили эту должность, и я оказался не удел, Король, смилостивившись, взял меня начальником гражданской обороны, а затем начальником первого и второго отделов. Но и оттуда через некоторое время "попросил". Около двух лет я проработал в школе № 2 заместителем директора по военно-патриотическому и гражданскому воспитанию. А с января 1997 года нахожусь на пенсии.

В октябре 2008 года меня сразил инсульт и в 73 года я стал инвалидом I группы.

Оценивая прожитое, я убедился, что жизнь моя была не только тяжелой, но разнообразной и интересной. Мне посчастливилось отдыхать на знаменитых курортах Черноморского

побережья. Начиная от Батуми и кончая Одессой. Запомнилось плавание по Волге. Но самым интересным был круиз по Дунаю. Он позволил побывать мне в Румынии, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Австрии. Будучи в Вене, побывал на могиле Великого Штрауса. А также была организована поездка в Зальцбург, на родину Моцарта, с посещением его дома - музея.

Я люблю людей и думаю, что это взаимно.

Оглядываясь на пройденный путь, я смею надеяться, что жизнь прожита не зря.

М.Е. Хилько,
г. Медногорск,
июль 2009 г.